

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Т. И. Розовская*

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. Многолетние дискуссии по поводу необходимости внедрения в российскую правовую систему института уголовной ответственности юридических лиц переходят в практическую плоскость. Проект федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», внесенный в Государственную Думу России 23 марта 2015 года, — решительный шаг на пути формирования новой подотрасли уголовного права в России. Документ содержит много новых интересных положений, заслуживающих поддержки, в нем учтена конструктивная критика законопроекта СК России 2011 года. В частности, введение корпоративной ответственности предложено в полной мере. Авторы проекта не ограничились использованием модели «меры уголовно-правового характера в отношении организаций». В определении вины юридического лица (ст. 96.3 УК РФ) заложены формы, использующиеся в основных зарубежных доктринах государств, применяющих институт уголовной ответственности организаций: концепция вины субъективистского толка (теория отождествления) и объективистское направление вины юридического лица (теория вины прошлого поведения). Проект закона предусматривает широкий спектр основных и дополнительных видов наказаний, которые могут быть назначены судом юридическим лицам, признанным виновными в совершении преступлений и др. Институтом повышения квалификации Академии СК России совместно с сотрудниками следственных органов Северо-Западного и Крымского федеральных округов проводится предварительный мониторинг применения предлагаемых норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. По его результатам выявляются проблемы, которые могут возникнуть в правоприменительной деятельности при привлечении к уголовной ответственности вновь вводимого субъекта. Некоторые из них предлагаются к обсуждению в статье.

Наибольшую сложность в силу сложившегося стереотипа субъекта преступления представляет понимание вины юридического лица. Вместе с тем автор предлагает отнести эту проблему к числу преодолимых. Ознакомление с законопроектом выявляет и неясности ввиду появления новых дефиниций, что без раскрытия их содержания может привести к проблемам при уголовно-правовой оценке содеянного. Кроме того, многие вопросы в положениях законопроекта остаются нерешенными: в частности, процессуальный аспект освобождения от уголовной ответственности физического лица в связи с привлечением лица юридического. Автор отмечает также наличие проблемы соотношения публичных и частных интересов при применении имущественных санкций в отношении юридического лица, признанного виновным в совершении преступления, которая не нашла своего отражения в законопроекте.

© Розовская Т. И., 2016

* Розовская Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права шестого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Санкт-Петербург) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации rozovskaya@list.ru
199178, Россия, Санкт-Петербург, 11-я линия Васильевского острова, д. 18а

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, коллективный субъект, вина, фиктивная организация, Следственный комитет, законопроект.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.095-104

Вопрос об уголовно-правовом воздействии на юридических лиц в российской юридической науке привлекает внимание ученых уже более столетия¹.

В международном уголовном праве эта проблема поднималась неоднократно. В 1929 г. вопрос уголовной ответственности юридических лиц обсуждался на конгрессе Международной ассоциации уголовного права в г. Бухаресте. На основании изложенных в докладах мнений ученых Бухарестский конгресс пришел к выводу о необходимости внесения в национальное уголовное законодательство капиталистических государств специальной нормы об уголовной ответственности юридических лиц, преступно нарушающих законы государства².

В современном мире уголовная ответственность организаций — явление достаточно частое и во многом традиционное. Она существует в более чем 50 странах мира, в том числе в государствах постсоветского пространства, таких как Азербайджан, Латвия, Литва, Молдова, Украина и Эстония³. Для юридических лиц, привлеченных к уголовной ответственности, предусматриваются такие виды наказаний, как штраф, прекращение деятельности, запрещение осуществлять прямо или косвенно один или несколько видов профессиональной или общественной деятель-

ности, помещение под судебный надзор, конфискация, ликвидация.

Несмотря на взятые Россией обязательства учитывать международные стандарты и рекомендации, в том числе касающиеся уголовно-правовых методов борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми юридическими лицами⁴, а также несмотря на попытки российского законодателя перевести вопрос допустимости уголовной ответственности юридических лиц в практическую область, эта тематика в России по-прежнему остается дискуссионной.

Основным доводом *contra* в истории уголовного права, причем в различных его системах, был и остается довод о фикции юридического лица, суть которого состоит в невозможности последнего действовать виновно, с осознанием общественной опасности своего деяния, предвидя последствия и желая их наступления. «Преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикции юридического лица», — писал Н. С. Таганцев⁵.

Кроме этого, теория уголовного права упоминала и о наказуемых деяниях, которые юридические лица совершить не в состоянии (изнасилование), об ограниченности или о не-

¹ См.: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 6—9.

² См.: *Орлов В. С.* Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 215; *Трайнин А. Н.* Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 296.

³ См.: *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 56; *Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2013.

⁴ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма»; Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»; Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28 июня 2015 г.).

⁵ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука. 1994. Т. 1. С. 143—144.

возможности применения в подобных ситуациях санкций, предусмотренных уголовным законодательством. В качестве дополнительного довода использовалось предположение о невозможности появления корпорации в уголовном процессе⁶. Рассуждая о природе юридического лица, еще Папа Иннокентий IV в 1245 г. писал, что корпорация существует лишь как отвлеченное понятие, она не обладает волей, поэтому не может ни совершать преступления, ни быть отлученной от церкви⁷. С тех пор теория фикции (олицетворения, персонификации) господствует как в философии, так и в юриспруденции⁸.

Будучи противником привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, виднейший российский ученый профессор Н. С. Таганцев приводил на этот счет следующие аргументы:

- 1) безнаказанность юридического лица как идеальной личности не освобождает от ответственности его представителей или членов, которые непосредственно выполнили преступное деяние;
- 2) уголовная безответственность юридических лиц не исключает их ответственности гражданской, в частности обязанности возмещения (возмещения) за вред и убытки;
- 3) признание ненаказуемости юридических лиц не противоречит наложению взысканий, ограничений их деятельности или даже прекращению их деятельности⁹.

Доводы ученого актуальны и сегодня. Кроме того, в российском законодательстве есть нормативные правовые акты, предусматрива-

ющие санкции в отношении юридических лиц за деяния, имеющие уголовно-правовую природу, и эти санкции носят ярко выраженный карательный характер¹⁰. Полагаю, однако, что последнее обстоятельство свидетельствует скорее в пользу необходимости закрепления в нормах национального уголовного права уголовно-правовых мер, подлежащих применению в отношении юридических лиц. В частности, согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму» террористическая организация при наличии организационно-правовой формы подлежит ликвидации, а ее имущество — конфискации¹¹.

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц предлагают пересмотреть психологическое понимание вины, которое «трансформируется под влиянием различных отраслей права, специфики субъектов, к которым эта категория применяется»¹², сформулировав это понятие для юридических лиц непосредственно и уточнив при этом содержание иных институтов уголовного права¹³.

Б. В. Волженкин, разделяя понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», справедливо полагал, что совершить преступление может только физическое лицо, а бремя уголовной ответственности может быть возложено не только на физическое, но и при определенных условиях на юридическое лицо¹⁴. В частности, уголовная ответственность юридического лица может наступить, если наказуемое деяние было санкционировано или совершено с ведома юридического лица (его органа) либо в его пользу или его интересах¹⁵.

⁶ Подробнее об этом см.: Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. М., 2012.

⁷ См.: Бородин В. В., Хохлов Е. Б. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. 1993. № 9. С. 153 ; Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 54 ; Козлова Н. В. Сущность юридического лица // Проблемы развития частного права. М., 2011. С. 200.

⁸ См. подробно: Козлова Н. В. Указ. соч. С. 202—207.

⁹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 143—144.

¹⁰ См., например: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» ; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16 июля 2015).

¹¹ Ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

¹² Сиотковский И. В. Уголовная ответственность юридических лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 26.

¹³ См.: Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 78—80.

¹⁴ Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 25—26.

¹⁵ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002. С. 109.

Полагаю, что такой вид ответственности вполне оправдан и особенно актуален для преступных посягательств в сфере предпринимательской, налоговой, банковской, экологической деятельности.

Необходимость введения института уголовной ответственности юридических лиц в России диктуется не только и не столько мировыми стандартами противодействия преступности юридических лиц¹⁶, тем более что научная общественность и правоприменитель все чаще критикуют конституционный принцип приоритета международного права над национальным¹⁷. Здесь следует учитывать возможность процессуальной экономии, а также эффективного сбора доказательств вины юридического и физического лица одновременно в рамках уголовного судопроизводства; возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий, а также реализации уголовно-правовых, уголовно-процессуальных мер в отношении юридических лиц в рамках международного сотрудничества¹⁸.

Предметом широкой дискуссии в научном сообществе в последнее время являлся проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», предложенный к обсуждению Следственным комитетом Российской Федерации (далее — СК России) в 2011 году¹⁹.

Суть дискуссии заключалась преимущественно в необходимости преодоления традиционного понимания личной виновной ответственности субъекта преступления — юридического лица как организации. Однако, в отличие от ранее сложившихся в теории уголовного права подходов к уголовной ответ-

ственности юридических лиц, авторы проекта предлагали ввести в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство институт причастности юридического лица к совершению преступления, следуя предложенной Б. В. Волженкиным концепции.

Так, юридическое лицо предлагалось считать причастным к преступлению в случае «совершения преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство» или «использования юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления» (п. «а», «б» ч. 2 ст. 104.4 проекта изменений УК РФ 2011 г.).

Таким образом, предлагалось не подводить юридическое лицо под общее понятие состава преступления, а сформулировать самостоятельный состав преступления исключительно для лиц юридических, определив его место в Общей части УК РФ²⁰.

При этом в предложенной ст. 446.5 проекта изменений УПК РФ предписывалась возможность и необходимость предъявления юридическому лицу обвинения в причастности к преступлению. Однако понятие вины юридического лица в законопроекте отсутствовало, тогда как «наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической ответствен-

¹⁶ Отмечалось в пояснительной записке к законопроекту 2011 года.

¹⁷ Глава СК предложил исключить из Конституции принцип приоритета международного права // Взгляд. Деловая газета. 2015. 26 февраля. URL: <http://vs.ru/news/2015/2/26/731628.html> (дата обращения: 27 февраля 2015 г.).

¹⁸ См. подробнее: Федоров А. В. Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления: зарубежный опыт и российские перспективы // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 5—14.

¹⁹ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273> (дата обращения: 20 февраля 2014 г.).

²⁰ См. подробнее: Розовская Т. И. К вопросу об обвинении юридического лица в причастности к совершению преступления // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы междунар. науч.-практ. конференции (Москва, 21 марта 2014 года) : в 2 ч. М., 2014. Ч. 2. С. 224—228.

ности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно»²¹.

Используя нестандартный, принципиально новый подход, авторы проекта отказались от понятия уголовной ответственности юридического лица, применив конструкцию причастности к совершению преступления. Вместе с тем содержащийся в проекте закона институт судимости, представляющий собой составную часть уголовной ответственности, красноречиво свидетельствовал о привлечении юридических лиц именно к таковой.

Таким образом, предложенный СК России проект Федерального закона нуждался в дефиниции вины юридического лица. Кроме этого, представлялось целесообразным сформулировать составы преступлений, суть которых состояла в причастности юридического лица к преступлению, используя существующую законодательную технику (изложив диспозицию и санкцию), закрепив в обязательном порядке перечень преступлений, за причастность к совершению которых юридическому лицу возможно назначение наказания, и определив их место в Особенной части уголовного закона²².

Полагаю, что во многом благодаря обсуждениям и дискуссиям по поводу содержащихся в законопроекте конкретных предложений СК России 23 марта 2015 года на законодательном уровне предпринята попытка внедрения в российскую правовую систему института уголовной ответственности организаций: официально зарегистрирован внесенный в Государственную Думу проект федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»²³.

Документ содержит много новых интересных положений, учтена конструктивная критика законопроекта СК России 2011 года.

Авторы проекта не ограничились использованием модели «меры уголовно-правового

характера в отношении организаций», предложив ввести корпоративную ответственность в полной мере.

В статье 96.3 проекта изменений УК РФ сформулирована дефиниция вины юридического лица. Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, в определении вины заложены формы, использующиеся в основных зарубежных доктринах государств, применяющих институт уголовной ответственности организаций:

- 1) концепция вины субъективистского толка (теория отождествления) — вина юридического лица определяется посредством вины физического лица, официально действовавшего от ее имени;
- 2) объективистское направление вины юридического лица (теория вины прошлого поведения) — организация может быть виновна в том, что не обеспечила должный уровень корпоративного контроля за деятельностью членов своих органов управления и контроля и не приняла всех зависящих от нее мер к соблюдению запретов, нарушение которых влечет уголовную ответственность.

Следует отметить, что эти формы отражены и в нормах российского права.

Проект закона предусматривает широкий спектр основных и дополнительных видов наказаний, которые могут быть назначены судом юридическим лицам, признанным виновными в совершении преступлений, в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, тяжести наступившего общественно опасного последствия, степени достаточности мер, принятых организацией для предупреждения и пресечения преступления, нейтрализации его негативных последствий, а также данных, характеризующих саму организацию, в том числе ее предыдущие судимости, благотворительную и иную общественно полезную деятельность.

Совершенно обоснованно к числу субъектов уголовной ответственности — юридических лиц — не отнесены госкорпорации, поскольку их следует считать не самостоятельной

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Российская газета. 2001. 13 фев.

²² См.: Розовская Т. И. Указ. соч. С. 224—228.

²³ См.: Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6> (дата обращения: 12 июня 2015 г.).

организационно-правовой формой юридического лица, а специальным способом создания государством особых, уникальных по своему правовому статусу субъектов права, предназначенных для решения особо важных государственных задач.

Заслуживает поддержки предложение авторов проекта об обязательности применения наказания к правопреемнику реорганизованного юридического лица (ч. 2 ст. 96.16 проекта изменений УК РФ), а также о недопущении ликвидации, реорганизации юридического лица, которому назначено наказание (ч. 1 ст. 96.16 проекта изменений УК РФ). Подобные положения представляются важными с точки зрения неотвратимости наказания. Однако, не будучи отражены в отраслевом законодательстве, нормы не смогут работать эффективно. К сожалению, законопроект не содержит предложений о внесении изменений в законодательство России о налогах и сборах.

В проекте сформулированы также понятие и сроки погашения судимости в отношении юридических лиц, предлагается введение института соучастия для указанных коллективных образований. Нормы Особенной части УК РФ дополнены санкциями для юридических лиц за преступления, обязанность введения ответственности за которые предусмотрена международными конвенциями и другими международными нормативными правовыми актами, ратифицированными Россией, а также за некоторые деяния, сопутствующие им.

Таким образом, как отмечается в научной литературе, «официальное внесение законопроекта — огромный шаг вперед на пути формирования нового уголовно-правового института, а может быть, даже и новой подотрасли уголовного права, и обсуждение проекта этого нормативного правового акта должно привести к предложениям по его усовершенствованию»²⁴.

Поскольку производство по делам в отношении юридических лиц в законопроекте предлагается относить к подсудственности следователей СК России, Институт повышения квалификации Академии СК России совместно со слушателями курсов повышения квалификации, выполняющими служебные обязанности в следственных органах Северо-Западного и Крымского федеральных округов, в целях выявления проблем, могущих возникнуть в пра-

воприменительной деятельности, проводит предварительный мониторинг применения предлагаемых норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок привлечения к уголовной ответственности вновь вводимого субъекта. Приведу некоторые из них.

Как и ожидалось, наибольшую сложность в силу сложившегося стереотипа субъекта преступления представляет понимание *вины юридического лица*.

По мнению практиков, с точки зрения восприятия и понимания вина юридического лица сформулирована в законопроекте громоздко, что может представлять определенную сложность в доказывании, особенно в отношении ситуаций, предусмотренных п. «г» ч. 1 ст. 96.3 проекта изменений УК РФ:

«г) умышленного совершения наказуемого для юридического лица в соответствии с Особенной частью настоящего Кодекса деяния иными лицами по указанию, с ведома либо одобрения лиц, указанных в пунктах “а”, “б” и “в” части первой настоящей статьи, действовавших заведомо в интересах юридического лица».

Так, необходимо будет установить, что наказуемое для юридического лица деяние (например, предусмотренное ч. 5 ст. 184 УК РФ) совершено лицом, не указанным в п. «а» — «в» ч. 1 ст. 96.3 УК РФ (т.е. не уполномоченным совершать действия (бездействие) от имени юридического лица на основании закона, иного правового акта, устава, договора или доверенности; не занимающим должность в органах управления или контроля юридического лица; не имеющим право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом определять его действия (бездействие) или решения в силу прямого или косвенного участия в уставном (складочном) капитале этого юридического лица, закона, иных правовых актов или договора), но по указанию, с ведома либо одобрения указанных в данных пунктах лиц. Кроме этого, потребуются также установить факт того, что указанные лица (в т.ч. непосредственно совершившее деяние лицо) действовали в интересах юридического лица, т.е. с целью приобретения юридическим лицом в результате совершения такого преступления выгод имущественного либо неимущественного характера, в том чис-

²⁴ Федоров А. В. Указ. соч. С. 5—14.

ле получения прибыли (увеличения размера прибыли), во избежание или для уменьшения размера издержек или убытков, уклонения от имущественной или иной предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности, приобретения прав либо освобождения от обязанностей (ч. 2 ст. 96.3).

Полагаю, что отмеченная сложность относится к числу преодолимых. Ведь, несмотря на пояснения авторов законопроекта по поводу внедрения передовых зарубежных доктрин института вины юридических лиц, обе предложенные формы знакомы российскому праву.

В частности, субъективное определение понятия вины (психологической концепции) нашло свое отражение в законодательстве России о налогах и сборах. Согласно ч. 4 ст. 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения.

Сущность поведенческой концепции вины (объективистское направление) заключается в наличии у субъекта определенных возможностей для надлежащего исполнения обязанностей и в принятии им всех мер по недопущению нарушения. Эта концепция в полной мере использована законодателем в ст. 2.1 КоАП РФ, определяющей вину юридического лица при совершении административного правонарушения.

В решении от 14 декабря 2000 г. № 244-О Конституционный Суд РФ указал, что вина организации проявляется в виновных действиях физических лиц, действовавших от ее имени²⁵. Учитывая сформировавшуюся по этой проблематике судебную практику, данная концепция вины юридического лица вполне может быть положена в основу установления уголовной ответственности организаций. Поскольку правоспособность юридического лица реализуется органами и конкретными физическими лицами, которые должны действовать в соответствии со своими служебными обязанностями, вина юридического лица в уголовном праве должна определяться с учетом этого обстоятельства.

Таким образом, вину юридического лица как субъекта уголовной ответственности следует определять посредством вины физического лица, осуществляющего в нем управленческие функции (организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия), при условии, что у юридического лица имелась реальная возможность соблюдать установленные законодательством Российской Федерации нормы и правила его деятельности. Поскольку вина юридического лица зависит от вины лиц, осуществляющих в нем управленческие функции, противоправные деяния юридическим лицом могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

При этом также будет реализован и принцип личной ответственности и индивидуализации наказания²⁶, что нашло отражение в ч. 2 ст. 19 проекта изменений УК РФ.

Что касается лиц, указанных в п. «г» ч. 1 ст. 96.3 проекта изменений УК РФ, то здесь необходимо уяснить, что речь идет о согласованности действий физических лиц внутри коллективного субъекта, а это обстоятельство значительно повышает общественную опасность деяния. Установление этой согласованности потребует от следователя более тщательной работы по сбору доказательств.

Ознакомление с законопроектом выявляет и неясности ввиду появления новых дефиниций без раскрытия их содержания.

Так, освобождение от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением юридического лица (ст. 75.1 проекта изменений УК РФ) в качестве одного из условий предполагает установление неполучения конкретным физическим лицом, действовавшим исключительно в интересах юридического лица, прямо или косвенно *имущественной или иной личной выгоды*.

Новая дефиниция всегда вызывает массу вопросов на практике. В действующем уголовном законе понятие «выгода» встречается в пяти нормах: финансовая или иная материальная выгода (ч. 4 ст. 35), выгода имущественного характера (примечание к ст. 141.1), другие выгоды и преимущества (ч. 3 ст. 184), выгоды и имущества для себя и других лиц (ч. 1 ст. 201

²⁵ СЗ РФ. 2001. № 3. Ст. 272.

²⁶ См.: Миненок М. Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы : сборник научных трудов. Калининград, 1999. С. 7.

и ч. 1 ст. 202). Представляется, что во всех нормах имеется в виду материальная выгода (доход, экономия). В обсуждаемом варианте предлагается новое понятие «личная выгода», очевидно не являющееся аналогом выгоды материальной (имущественной).

Каким образом должен поступить правоприменитель при толковании нового признака? Проанализировав, например, нормы гражданского законодательства (в частности, ст. 15, ч. 3 ст. 73, ч. 2 ст. 171, п. 2 ст. 333 ГК РФ), можно сделать вывод о том, что выгода — это доход. В нормах налогового законодательства под выгодой понимается экономия на процентах за пользование кредитными (заемными) средствами (ст. 212 НК РФ), т.е. тоже материальная категория. В толковом словаре «выгода» — финансовая польза, преимущество, личный интерес²⁷. То есть «личная выгода» — понятие, близкое к «личному интересу», но с «материальным оттенком».

Поскольку любое умышленное преступление (а в интересах какого-либо лица может быть совершено только умышленное преступление) совершается из личной заинтересованности, закономерен вопрос, что означает совершение преступления «исключительно в интересах организации»: по мотиву ложно понятых интересов службы, который современная судебная практика не относит к личной заинтересованности?

Также обращают на себя внимание более принципиальные, не решенные в проекте вопросы. Как, например, следует поступить правоприменителю при освобождении от уголовной ответственности физического лица, если у этого лица сохраняется возможность получения выгоды от юридического лица в будущем, скажем до момента применения к нему наказания в виде ликвидации?

Кроме того, неясно, каким должно быть процессуальное основание освобождения от уголовной ответственности физического лица в связи с осуждением лица юридического, ведь соответствующие изменения в УПК РФ не предложены. Кто сможет принимать такое решение: только суд, признав юридическое лицо виновным и постановив приговор, либо сле-

дователь в процессе предварительного следствия, но только после осуждения юридического лица, или же принятие решения возможно после вынесения постановления о привлечении юридического лица к уголовной ответственности? Полагаю, эти вопросы нуждаются в дальнейшей проработке.

Учитывая, что при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности следователь чаще сталкивается с организациями, реально предпринимательской деятельности не осуществляющими, безусловный практический интерес вызывает предлагаемое в законопроекте понятие «фиктивное юридическое лицо», к которому предлагается применять меры уголовно-правового характера.

В этой связи интересны формулировки, используемые авторами проекта в ст. 96.18 УК РФ: *организационная самостоятельность юридического лица; иные обязательные признаки юридического лица, предусмотренные гражданским законодательством Российской Федерации*.

Российское гражданское законодательство закрепляет обязательные признаки юридического лица, совокупность которых дает возможность учредителям обладающей такими признаками организации ставить вопрос о признании ее самостоятельным субъектом гражданских правоотношений (п. 1 ст. 48 ГК РФ):

- 1) организационное единство;
- 2) имущественная обособленность;
- 3) самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам;
- 4) выступление в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени.

Признак «организационное единство» характеризует всякую организацию как единое целое, способное решать определенные социальные (в данном случае — гражданско-правовые, имущественные) задачи. Такое единство предполагает определенную внутреннюю структуру организации, выражающуюся в наличии у нее органов управления, а при необходимости — и соответствующих подразделений для выполнения установленных для нее задач²⁸.

²⁷ См., например: URL: <http://tolslovar.ru/v7966.html> (дата обращения: 25 июля 2015 г.).

²⁸ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринев, Е. А. Бевзюк [и др.] // Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014.

Предлагаемый в законопроекте термин «организационная самостоятельность» в нормах гражданского законодательства отсутствует. Следует ли отождествлять его с признаком «организационное единство» или это иное понятие?

Как показывает анализ правоприменительной практики, разночтения в терминах, используемых в нормах Особенной части уголовного закона, с понятиями, используемыми в бланкетном законодательстве, приводят к проблемам при квалификации соответствующих деяний.

По-прежнему актуальна проблема соотношения публичных и частных интересов. Ведь принятие решения о деятельности юридического лица не всегда осуществляется органом его управления в полном составе. Решение может быть принято при наличии кворума, определяемого в соответствии с действующим законодательством, однако не всеми участниками. Не все члены органов управления, участвующие в голосовании по поводу принятия решения, могут быть согласны с мнением

большинства, определяющего результат голосования. Кроме этого, как представляется, необходимо учесть возможные негативные последствия, которые могут нести лица, фактически не участвующие в действиях по управлению организацией, приведших к преступлению. Например, на акционеров, не входящих в состав органов управления, может распространиться отрицательное воздействие наказания имущественного характера, назначенное юридическому лицу по приговору суда. Всегда ли в таких случаях следует отдавать предпочтение публичным, а не частным интересам, относя такого рода убытки к последствиям предпринимательского риска?

Очевидно, что проблемные вопросы, которые обнаруживает законопроект № 750443-6, предложенный Государственной Думе к первому чтению, нуждаются в дальнейшей проработке, а вопрос вины юридического лица — в дальнейшем осмыслении. Эволюция внедрения в российскую правовую систему института уголовной ответственности юридических лиц продолжается.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бородин В. В., Хохлов Е. Б. Понятие юридического лица: история и современная трактовка // Государство и право. — 1993. — № 9. — С. 153.
2. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности. — СПб., 2002.
3. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. — СПб., 1998.
4. Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В. И. Лафитский. — М., 2013.
5. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. — М., 2000.
6. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. — М., 2005.
7. Козлова Н. В. Сущность юридического лица // Проблемы развития частного права. — М., 2011.
8. Миненок М. Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы : сборник научных трудов. — Калининград, 1999.
9. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1958.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. — Т. 1. — М. : Наука, 1994.
11. Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. — М., 1969.
12. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. — М., 2012.
13. Федоров А. В. Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления: зарубежный опыт и российские перспективы // Антинаркотическая безопасность. — 2015. — № 1 (4).
14. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. — 2015. — № 1.
15. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М., 2003.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF PENAL ACTIONS FOR LEGAL PERSONS

ROZOVSKAYA Tatiana Igorevna — PhD in Law, Head of the Department of Criminal Law of the 6th Faculty of Continuous Education (located in Saint-Petersburg), the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

rozovskaya@list.ru

199178, Russia, Saint-Peterburg, 11 liniya Vasilievskogo ostrova, 18a

Review. Years of debate over the need to implement the concept of criminal responsibility of legal persons into the Russian legal system are shifting towards the practical direction. The draft of Federal Law № 750443-6 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the introduction of criminal responsibility of legal persons» introduced to the Russian State Duma on March 23, 2015 is a decisive step towards the formation of a new sub-branch of criminal law in Russia. The document contains a lot of interesting provisions deserving support, and accounts constructive criticism of the draft law of the Russian IC 2011. In particular, the suggest the introduction of corporate responsibility to the full extent. The authors of the draft haven't only used the "measures of criminal law in relation to the organizations" model. The definition of the guilt of a legal person (Article 96.3 of the Criminal Code) contains the forms used in the basic doctrines of foreign countries applying the concept of criminal responsibility of organizations: subjectivist concept of guilt (the theory of identification) and objectivist direction of guilt of a legal person (the theory of guilt of past behavior). The draft law provides for a wide range of basic and additional penalties that may be assigned by the court to legal persons convicted of crimes and the like. Skills Enhancement Institute of the Academy of the Russian Investigative Committee together with the investigating authorities and the Northwest Crimean Federal District hold a preliminary monitoring of the application of the proposed rules of criminal and criminal procedure legislation. The monitoring revealed some problems that may arise in the enforcement activities in criminal prosecution against newly introduced subject. Some of them are offered for discussion in the article. The greatest difficulty, due to the stereotype of a perpetrator, is an understanding of the guilt of a legal person. At the same time, the author proposes to refer to the issue as being able to overcome. Introducing the bill identifies uncertainties due to the emergence of new definitions which, without disclosing their content, can lead to problems with the criminal law assessment of the offense. In addition, many of the issues in the draft legislation remain unresolved: in particular, the procedural aspect of exemption from criminal responsibility of a natural person due to the involvement of a legal person. The author also notes the problem of correlation between public and private interests in the application of sanctions against the property of a legal person found guilty of committing a crime, which is not reflected in the draft legislation.

Keywords: criminal responsibility, legal person, unified actor, guilt, bogus organization, Investigative Committee, draft law.

BIBLIOGRAPHY

1. Borodin V. V., Khokhlov E. B. The concept of a legal person: history and modern interpretation // State and Law. — 1993. — No 9. — 153 p.
2. Volzhenkin B. V. Crimes in the sphere of economic activity — Saint Petersburg, 2002.
3. Volzhenkin B. V. Criminal responsibility of legal persons — Saint Petersburg, 1998.
4. Golonovanova N. A., Lafitskii V. I., Tsyryna M. A. Criminal responsibility of legal persons in international and supranational law (comparative law research) / Lafitskii V. I. (ed.) — Moscow, 2013.
5. Ioffe O. S. Selected works on Civil Law. — Moscow, 2000.
6. Klepitskii I. A. The system of economic crimes. — Moscow, 2005.
7. Kozlova N. V. The essence of a legal person. Problems of the development of private law. -Moscow, 2011.
8. Minenok M. G. Problems of combating organized crime. Organized crime. Criminal legal and criminological problems. — Kaliningrad, 1999.
9. Orlov V. S. The subject of a crime according to the Soviet penal law. — Moscow, 1958.
10. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law: Lectures. General Part. — Vol. 1. — Moscow: Science. 1994.
11. Trainin A. N. Selected works. Protection of peace and criminal law. — Moscow, 1969.
12. Criminal law. / Rarog A.I. (ed.). — Moscow, 2012.
13. Fedorov A. V. On criminal responsibility of legal persons for drug-related crimes: foreign experience and Russian prospects. Anti-drug security. — 2015. — No1 (4).
14. Fedorov A. V. Criminal responsibility of legal persons for corruption offences //Zhurnal Rossiiskogo Prava. — 2015. — No 1.
15. Fel'dshtein G. S. Main courses in the history of science of criminal law in Russia. / Tomsinov V.A. (ed.) — Moscow, 2003.